

ЭССЕ «Для Европы Россия – одна из великих загадок Сфинкса»

В кабинет следователя ввели полуживого человека и посадили на деревянный стул. Это был русский пленный в чужой стране. Следователь, подавшись вперед и облокотившись на стол, не снимая монокля с глаза, впери́л холодный пронзительный взгляд в утомленного человека. Спустя минуту, с усмешкой в сердце, неслышно выдохнул: «Ххх... образ Божий». И сделал предложение: «Ну, познакомимся?» Изнемогший голос отвечал: «Мое имя Вам ни о чем не скажет». Следователь настоял: «А все-таки?» Ответ последовал: «Я русский солдат».

И далее начался внимательный диалог двоих: слова и молчания. Утомленные, но ясные, глубоко понимающие происходящее глаза слушающего несли в себе едва ли меньше выразительности, чем язык говорящего. Итак, следователь начал речь: «Ну, что же Вы так скромно, Иван Михайлович. Слава Вашего имени идет далеко впереди Вас. Не солдат, а высший офицер, профессор, один из величайших умов современности и... православный христианин».

И откинувшись назад в кресло, продолжал с иронией: «Слу-у-ушайте, а ведь Вы прямо сейчас невольно являетесь олицетворением всей вашей России: *ни вида, ни величия*. И на что Вы только надеетесь, что стоите на своем. Нет, нет, я не задаю вопрос. Ответ мне известен. Ваши умы ведь всегда по-детски наивно полагали, будто вы являетесь для нас неразрешимой загадкой. А мы вас, между тем, хорошенько изучили. Извольте выслушать накопленное знание.

Вот бытовало у вас некогда мнение о западном человеке, что он при знакомстве с русским пытается его личность понять не вполне, а посредством безучастного наблюдения, словно за одним из явлений природы; пытается, так сказать, линейкой вымерить, разглядеть через микроскоп. А после, сопоставив с некими стандартами, выдать полное понимание на двух печатных листках, заверенных подписью и печатью. Но усердные труды на том не кончаются, и полученные данные отправляются на службу высшей цели – созданию нормального устройства общества. И вот тут, дескать, и есть главное упущение – забыли взять в расчет живую душу, которую не заставишь подчиниться механическим воздействиям. Живая, мол, душа всегда будет таить в себе способность выкинуть какую-нибудь странную диковину, да при этом еще похвастаться независимостью перед великим, строго упорядоченным служением причин и следствий.

Измерить забыли душу. Что ж, мы прислушались. Лаборатория нашего Лейпцига первая в мире поймала в тиски эксперимента этот неуловимый элемент, и университет принял в свои стены науку о душе – психологию. Вы улыбаетесь. Несмотря на все достижения в этой области, вы упорно убеждены, что единственная лаборатория людских душ – это Церковь, да притом Православная. Будто она только и способна улучшить жизнь общества. Н-да. Примитивно и непрактично. Однако при всей своей непрактичности Россия до сих пор существует.

Стоит эта черно-белая березка. А чем стоит? Непредсказуемая глупость и ленивое авось – это лишь ветви и листья. А вот корень, держащий и питающий ее, скрыт. «Вера в Святую Русь, которая спасет прочие народы, просветив их светом Истины!» Вот ваш корень. «Избранный народ! Русская идея!» Да вы что! Это же самая что ни на есть гордость! Да причем слепая, так как не видит своего собственного убожества и наготы. А еще хочет одеть ближнего. Смешно. Где логика?

Впрочем, если во главе угла религиозная идея, то давайте, покажите вашу веру. Помните, как пророк говорит Богу: *Препояши Себя по бедру мечом Твоим, Сильный, славою и красотой Твоею, и успевай и царствуй?* Таков Бог – успешный, могущественный. Ну, а человек разве не призван к успеху? Та же книга ясно говорит о муже, угодном Богу: во всем, что ни делает, преуспеет.

А теперь сравните жизнь в наших странах. Из века в век говорят об изящности и великолепии Запада, с него берут пример, и вы сами, в частности. Разве царство благополучия, порядка и красоты – это не царство Бога? Разве враг рода человеческого не вносит хаос, разделение и уродство?

Но при взгляде на Россию мысль об успехе и благополучии даже не появляется в сознании. Этой мысли до ужаса некомфортно среди притесняющих современного человека первобытных черно-белых взглядов, среди грубости, разбитых дорог, воровства и всего прочего беспорядка.

Вы же, оправдывая себя, все переворачиваете вверх дном, говоря, что так роскошно, как цветущая Европа, украшают и умащают не живых, а мертвых для похорон, а вот больных, но живых – лечат, даже режут на хирургическом столе. Остроумно, но реальность говорит о другом.

Взгляните на дела рук западного человека. Самоотверженность, смелое и всецелое слияние с деятельностью плотью и кровью, отчего эффективность повышается до пика. А ваш труд каков?

А у вас все не как у людей! Почему? Да потому что живете наполовину. «Не уходи, мол, с головой ни в какое дело, даже самое святое, ведь оно – лишь временное поручение, которое не должно заслонять Того, Кто послал его». Послушайте, да неужто я должен в полсилы, с постоянной оглядкой, исполнять свое дело? Останавливая несущийся поток увлеченной деятельности, вы лишаете себя радости реальной, полноценной жизни. Мало того, даже при успехе вы не доверяете добрым отзывам и не позволяете себе просто по-человечески порадоваться. Смертельно боитесь перехвалить свое, говоря: «Иной суд человеческий, иной суд Божий».

Не отдаете себя делу, ведь, ко всему прочему, думаете, что за вас все сделает Бог. Сами не понимая, казнили свою свободу и возможности. Слепо убеждены, что все величие человеческое будто бы заключается в одном только лишь выборе: покориться Творцу или нет. А все прочие благие действия происходят уже от Него: начало и успех, познание мира, стойкость в испытаниях и все остальное. Даже сама вера. Но если так, тогда все мое значение низводится до уровня бессловесного раба, только и могущего, что пребывать в чужом доме между страхом наказания и надеждой на одобрение своего Господина? Это же

всецелая зависимость ничтожества! Зачем тогда мне все усилия в достижении терпения, мужества и прочих добродетелей, если результат не является моей принадлежностью и в любой момент может быть отнят? Выходит, я имею право на признание и уважение только тогда, когда рядом Хозяин. А сам я – просто грязь.

И вы хотите спасти мир, заразив его этим рабским мышлением? Не выйдет: наш чистый разум уже недостижимо возвысился над тянущими вниз пережитками прошлого. Выше звезд уже престол его. Там рождает он самые смелые замыслы и воплощает их в жизнь. Среди них искусственный разум. Ничего не напоминает? *Что творит Отец, то и Сын творит также.* Ваш раб терпит, наш сын созидает.

Вы приучились терпеть, ничего не меняя, поэтому активная работа практических психологов по преодолению жизненных проблем вам чужда и критикуется. Считаете, что эта лаборатория стала нашей церковью и наполнила все мышление Запада, вытеснив из него веру в другую реальность, где царствует иная точка зрения на происходящее – неизменно истинная.

На первоклассных специалистов повесили ярлык лжеучителей. Но взять хотя бы их фото: жизнерадостная улыбка, целеустремленный взгляд, умиротворенная уверенность в себе, в будущем. Вы же – снова начнете вспоминать примеры ваших преподобных и богоносных, с их еле заметной улыбкой, не обнажающей зубов, и потупленным взором, стыдящимся пристально смотреть на ближнего, словно заглядывает в чужое окно. А если нужно прикоснуться к другому, делают это так аккуратно, будто касаются Самого Бога. Ваша мысль несколько запоздала, веков этак на пятнадцать. Поэтому ведет себя как барышня в многоматерчатом платье, которая вдруг вместо бала очутилась в дискотеке. Тут к ее стыдливости примкнул страх. И она словно с веером, которым закрывает не только уста, но теперь и глаза, не расстается с вопросом: неужели на этих лицах действительно радость, мир и безопасность? А если так – неужели этот мир от Бога?

Просто поразительно, как вы, находясь в эпицентре цивилизации, видя, не видите всю неуместность примера ваших пустынных. Это как раз самый что ни на есть прокрустов метод, плюю-ющий на душу живую. Одним словом, свято веруя предкам, вы опечатали дверь в человеческую душу и повесили табличку с надписью: «Чужая душа – потемки». Сами не вошли и других не пускаете. Снова по своему обычаю набросили покрывало тайны. У вас это в крови что ли? Но не спешите преждевременно успокаиваться солидарностью со своими предками. Нечто вы совсем позабыли.

Русский, понятно, может излить душу на Исповеди, которая для него есть всегдашний уклад жизни. А куда прикажите податься бедной безотцовщине, не верящей в Исповедь? Позабыли сирот, лишенных Отца Небесного, и вдов, оставшихся в томлящей тоске. Не жалко? Мы же научились возвращать радость жизни отчаявшимся, ставить их на твердую почву саморазвития и самореализации. Не от зависти ли вы называете этот успешный результат фундаментом для строительства вавилонской башни?

Иван Михайлович, Вы ведь образованный человек! Чем Вам дорого это давно истлевшее в пепелище отношение к жизни? Какой прок от тлена этих отеческих гробов? Они жили в свою совершенно иную эпоху. Да ведь перед Вашим умом преклоняется бóльшая часть научного сообщества. Сколько раз мы звали Вас и теперь зовем. Что такое эта Россия?» Ответ был краткий: «Я не предаю». «Да нет ее уже. Разделили на части, жребий брошен... Знаете, мать мне рассказывала, что все мы в конце жизненного пути приходим к Христу со своими приношениями. Так некогда пришли к Младенцу волхвы с дарами; пастухи принесли радость о благовестии ангелов; земля – пещеру; животные – теплое, согревающее дыхание. Я продемонстрировал, что принесет Запад. А что принесет Христу Россия?»

«Грехи», – спокойно и искренне ответил пленный.

«Ха-ха-ха! Я и не сомневался. Множеством как песок морской! Ха-ха-ха! Слушайте Вы! Да знаю я все! Не отпустит грехи никакой психолог! Не воскресит душу, анестезируя ее от угрызений совести! Тут снимет боль – вылезет в другом месте. Все ясно как день! Думаете – мы так глупы?

Вы ведь все наше отношение к жизни уместили в одно выражение». Тут следователь переменялся, глубоко всей грудью вздохнул и продолжил медленно, тихо и с каким-то тягостным трепетом: «Отречение от креста. Бегство от спасительных страданий». Правильно, Иван Михалыч? Все так? Так, по-вашему, на нас смотрит Бог?» Выдавил напряженно сквозь зубы: «Но, я не верю в Такого Бога!» Ударив по столу руками, крикнул: «Слышите!» Надрывно: «Это несправедливо и жестоко! Зачем Ты поместил нас сюда! Да что за жизнь! Зачем Ты открыл мне эту Твою правду? Лучше мне забыть все! Я хочу просто жить. Со спокойным сердцем вкусно есть и сладко пить! А Ты предлагаешь мне желчь горькой Чаши! И этот Твой Крест. Просто безумие какое-то! Да-не-хо-чú я восхваляемых вами страданий. За что! Это Твоя забота? Она заставляет ужасаться все мое существо.

Для этого мы вступили с Тобой в завет? Я хочу жить! Слышишь! И могу! Могу сам, сам! Я – не ничтожество! Я мог бы принести Тебе подражание всякой добродетели. Зачем Ты просишь именно его? Зачем именно смирение? Я не знаю его! И знать не хочу! Слышишь! Ты же Сам сказал: *Слова, которые Отец дал Тебе, Ты передал нам, и мы приняли*. Всё, аминь, точка! Ныне пишется книга наших деяний. Ты все сказал. Мы сами сделаем остальное. Только не мешай! Мы уже достигли славы без поношений и радости воскресения – без креста. Оставь же нас в покое. Мы верим в силу Твоего Всемогущего Отца, но не в Твое смирение Раб Господень».

После минутной паузы спокойно продолжал: «Это ваша предельная загадка, ведь так? В смирении? В смирении, которое вы и сами до конца разгадать не можете. А только убеждены, что раз за разом на опыте познаете, что рождается в вас это самое смирение по причине внезапно появляющегося видения своего бедственного состояния греховности и виновности перед всем и вся. Грехи эти словно навесные

замки на двери темной комнаты, где тоскует одинокая, бессильная душа. А это вот видение, в свою очередь, имеет уже последний запредельный первоисточник: Его Кровь. Она, разливаясь по вашим жилам, достигает и глаз. Слепота отступает. Рождается твердая уверенность: *«Горе мне, я погиб, я человек с нечистыми устами»*. Но сопровождается она, как это ни странно, светлой надеждой. После такого признания себя достойным погибели за свои вины и грехи вам уже не страшны никакие страдания, даже напротив – желанны. Ведь вы надеетесь, что покорным перенесением их очистится совесть, и придет то, чего вы так ждете, – прощение, и возвратится Его доброе отношение. Тяжеловесные замки спадут с двери темной комнаты. Она озарится светом и теплом. И Он уже не уйдет и не оставит в одиночестве Свое смиренное и плачущее малое дитя. Он здесь, все хорошо. Вот и вся тайна русской души: смирение, страдание, терпение».

До этого момента следователь говорил с какой-то глубокой сердечной тоской, ведомой ему одному. Далее тон изменился, наполнившись жестоким желанием отомстить: «Однако довольно. Картина написана. Осталось заверить подписью и печатью. Вы не отрекаетесь от креста? Тогда возрадуйтесь, торжественно поднимите чашу страданий и испейте ее до дна. Приближается Ваш Крест. Стража!» Несколько человек в форме с орудиями истязаний вошли в помещение. В руках одного была металлическая кочерга с раскаленной на конце надписью: «Мученик».

Подследственный тихо вздохнул: «Жил как свинья, хоть умру как христианин».

«Да, что это такое! Замолчите! – виски следователя на несколько мгновений сдавила резкая боль. – Вы ведь, Иван Михайлович, прямо сейчас за меня молитесь, так? Знаю Вашу мысль: не вмени им, не ведают, что творят. Гордость! Кто ты такой! Ты ведаешь, да? Ну, давай, поведай!»

Затем дал приказ: «Как только он скажет последнее слово, исполнить обязанность». Обратился к пленному: «Давайте, Иван Михайлович, вот, перед вами весь несчастный мир, который Вы хотели спасти. Вот и Судия. Как в тот час объясните нам и Ему то, что не смогли Вашими добрыми делами привести к спасению заблудших грешников, но напротив – еще возбудили в них жестокость?»

Из глубины молчания русский пленник заключил: «Тогда смогу сказать лишь одно – «Простите».

Повисла тишина. Следователь облокотился на стол, лбом опершись на ладони. Затем, закрыв глаза, стал потирать лицо, словно смывая накотившую усталость. Через минуту, прикладывая огромные усилия, сказал шепотом и как бы беспомощно: «Я не верю в Такого Бога». И потерял сознание, сидя за столом. Ничего не существовало сейчас: ни земных занятий, ни человеческих отношений, никаких даже мыслей. Полная остановка. И только чей-то ощутимо благой взгляд. Это было лицо, глаза которого смотрели только на него одного. Глаза эти были наполнены болью отеческой любви и страдающей надеждой, взирая на своего любимого сына, который стоял перед решающим выбором: жить или умереть. В этих глазах

читалось одно: «Ведь ты не такой. Послушайся». А на правой щеке лица было глубоко выжжено слово «Мученик».